

Для цитирования:

Паршуков М. И. Системные противоречия понятийного аппарата информационного права: проблемы нормативно-правового и технического регулирования // European and Asian Law Review. 2025. № 4. Т. 8. С. 43–53. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_4_43.

Information for citation:

Parshukov, M. I. (2025) Sistemnye protivorechiya ponyatiinogo apparata informatsionnogo prava: problemy normativno-pravovogo i tekhnicheskogo regulirovaniya [Systemic Contradictions in the Conceptual Apparatus of Information Law: Problems of Normative and Technical Regulation]. European and Asian Law Review. 8 (4), 43–53. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_4_43.

УДК 34.09

BISAC: 099000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_4_43

Научная статья

СИСТЕМНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

М. И. Паршуков

Уральский государственный
юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0002-4008-6617

Динамичное развитие информационных отношений на фоне отставания доктринального осмысления привело к критическому дисбалансу, при котором нормативные технические документы (ГОСТы) подменяют собой нормативные правовые акты. Данная тенденция, характеризующаяся размыванием границ между правовым и техническим регулированием, создает угрозу реализации принципа правовой определенности и единства терминологии информационного законодательства, что требует немедленного научного и нормотворческого реагирования.

Исследование базируется на структурном и сравнительно-правовом анализе специально созданной базы данных «Понятийный аппарат информационного права», включающей 3270 дефинитивных записей. Посредством статистической обработки и семантического сопоставления определений, содержащихся в федеральных законах, подзаконных актах и стандартах, выявлены уровни терминологической несогласованности и классифицированы системные противоречия.

Установлено доминирование технического регулирования над правовым: 73,9 % терминов закреплены в технических документах и лишь 6,3 % – в федеральных законах, что подтверждает феномен формирования Lex Informatica – нормативной системы, опирающейся на императивность алгоритмов вопреки национальному праву. Разработана типология дефектов понятийного аппарата, включающая логические ошибки, неоправданную синонимию и онтологический разрыв, когда один термин (например, «оператор», «доступ») трактуется законом как правовой статус, а стандартом – как функциональная роль или процесс.

Доказано, что фрагментарность и смысловая полисемия ключевых категорий порождают иерархическое противоречие, расширяют пределы административного усмотрения и препятствуют защите прав субъектов информационной сферы. Исследование обосновывает необходимость внедрения институционального механизма гармонизации юридической и технической терминологии на стадии нормотворчества для восстановления приоритета правовых норм над техническими регламентами в условиях экономики данных и цифровой трансформации государства.

Ключевые слова: *информационное право, информационная безопасность, информационное законодательство, понятийный аппарат, техническое регулирование, Lex Informatica, юридическая терминология, цифровая трансформация*

SYSTEMIC CONTRADICTIONS IN THE CONCEPTUAL APPARATUS OF INFORMATION LAW: PROBLEMS OF NORMATIVE AND TECHNICAL REGULATION

M. I. Parshukov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

ORCID ID: 0000-0002-4008-6617

The dynamic development of information relations, coupled with a lag in doctrinal understanding, has led to a critical imbalance, whereby normative technical documents (GOSTs) are replacing normative legal acts. This trend, characterized by a blurring of the boundaries between legal and technical regulation, poses a threat to the implementation of the principle of legal certainty and uniformity of terminology in information law, requiring an immediate scientific and regulatory response.

The study is based on a structural and comparative legal analysis of a specially created database, 'Conceptual Apparatus of Information Law', which includes 3270 definitional entries. Through statistical processing and semantic comparison of definitions contained in federal laws, regulations, and standards, levels of terminological inconsistency were identified and systemic contradictions were classified.

The dominance of technical regulation over legal regulation was established: 73.9 % of terms are enshrined in technical documents and only 6.3 % in federal laws, confirming the emergence of Lex Informatica – a regulatory system based on the imperative nature of algorithms, contrary to national law. A typology of conceptual defects was developed, including logical errors, unjustified synonymy, and an ontological gap, where one term (e. g., 'operator' or 'access') is interpreted by law as a legal status, while the standard interprets it as a functional role or process.

It was demonstrated that the fragmentation and semantic polysemy of key categories generate a hierarchical contradiction, expand the scope of administrative discretion, and hinder the protection of the rights of information sphere subjects. The study substantiates the need to implement an institutional mechanism for harmonizing legal and technical terminology at the rulemaking stage to restore the priority of legal norms over technical regulations in the context of the data economy and the digital transformation of the state.

Keywords: *information law, information security, information legislation, conceptual framework, technical regulation, Lex Informatica, legal terminology, digital transformation*

Введение

В условиях формирования экономики данных и цифровой трансформации государства информационное право не только регулирует информационные отношения, но и обеспечивает юридическую значимость технологических процессов. Однако динамика научно-технического прогресса в информационной сфере существенно опережает темпы развития доктринального и нормативного осмысления базовых категорий.

Ключевой теоретико-методологической проблемой становится расхождение нормативно-правового и технического регулирования. Наблюдается нарастающий дисбаланс, при котором нормативные технические документы (ГОСТы, технические регламенты и др.) начинают подменять собой источники права. Данная тенденция создает угрозу реализации принципа правовой определенности и единства терминологического пространства.

С целью анализа терминологической системы информационного права была создана база данных «Понятийный аппарат информационного права» (далее – база данных), которая содержала информацию о терминах, правовых актах и нормативных технических документах, регулирующих общественные отношения в информационной сфере¹.

Основная часть

Структура эмпирического массива и первичные результаты: в массиве зафиксировано 3270 дефинитивных записей. Минимум 150 терминов имеют более одного источника определения, т. е. встречаются в двух и более разных документах (например, «авторизация», «документ»², «доступ к информации»). Из них в 85 понятиях даны разные дефиниции, т. е. их текст в ряде источников отличается, в остальных 65 случаях, несмотря на наличие нескольких источников, формулировки полностью идентичны.

42 термина пересекают уровни регулирования, т. е. их определения встречаются в документах разного юридического статуса, например одновременно в федеральном законе и в ГОСТе.

¹ База данных «Понятийный аппарат информационного права». Свидетельство о регистрации БД № 2025624508 от 16 октября 2025 г.

² «Документ – материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения» (Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ (ред. от 1 мая 2022 г.) «Об обязательном экземпляре документов»).

«Документ – зафиксированная на носителе информация с реквизитами и/или метаданными, позволяющими ее идентифицировать» (ГОСТ Р 7.0.8-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. приказом Росстандарта от 28 января 2025 г. № 30-ст). М.: Стандартинформ, 2025).

«Документ – текст, имеющий наименование, определенную структуру и обозначение, который может быть сохранен, отредактирован, найден и заменен как единое целое» (ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015). Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Словарь (введен в действие приказом Росстандарта от 22 сентября 2016 г. № 1189-ст). М.: Стандартинформ, 2016).

«Документ – зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» (ГОСТ Р 10.00.00.01-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Единая система информационного моделирования. Термины и определения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 1 апреля 2025 г. № 238-ст). М.: Рос. ин-т стандартизации, 2025).

Анализ этого явления необходим для понимания того, как отдельные фундаментальные понятия информационного права могут обладать особенностями содержания в зависимости от правового или технического контекста.

Перечислим основные направления пересечений.

1. Закон и технический документ (12 терминов). Термин закреплен законодательно, но также имеет сугубо техническое определение в стандартах, что создает коллизии или уточнения. Например, «адрес», «архивный документ» и др.

2. Подзаконный акт и технический документ (10 терминов). Регулирование на уровне подзаконного акта пересекается с техническими стандартами. В частности, «автоматизированная система», «алгоритм», «вычислительная система» и др.

3. Закон, подзаконный акт и иные акты (9 терминов). Характерно для ситуации сильного административного регулирования, в том числе «автоматизированная обработка персональных данных», «блокирование персональных данных», «информационная система персональных данных» и др.

4. Закон и подзаконный акт (9 терминов). Закон вводит понятие, а подзаконный акт его уточняет или регламентирует. Примеры: «автоматизированная система управления», «безопасность критической информационной инфраструктуры», «доступ к информации».

Можно выделить уникальные случаи полного охвата. Так, термин «персональные данные» встречается на всех четырех уровнях (закон, подзаконный акт, технический документ, иные акты), что указывает на максимальную степень правового определения.

Пересечение уровней наблюдается всего у 1,3 % терминов (42 из 3270), что свидетельствует о качестве распределенности терминологической системы информационного права. Случаи пересечения характерны для ключевых понятий («персональные данные», «информационная система»), формирующих основу регулирования информационной сферы.

Наиболее показательно распределение дефиниций по типам источников: в технических документах – 2418 терминов (73,9 %), в подзаконных актах – 621 (19 %), в федеральных законах – 206 (6,3 %), в иных документах³ – 25 (0,8 %).

Указанные статистические данные свидетельствуют о слабой нормотворческой базе понятий на уровне закона и о преобладании стандартизационной терминологии в предметной области информационного права. В этом выражается нарушение баланса распределения юридической силы между законами и техническими документами в части утраты нормативно-правового терминологического приоритета над техническим [Белоусов, 2015: 26].

Технические документы фактически становятся источником права, так как нормативные акты ссылаются на них.

Это подтверждает феномен формирования *Lex Informatica*⁴, когда правила поведения субъектов в большей части определяет технический стандарт, а не норма права [Reidenberg, 1998]. Речь идет не просто о появлении новой отрасли законодательства, а о возникновении принципиально иной нормативной системы, функционирующей параллельно, а зачастую и вопреки национальным правовым си-

³ Например, Политика в отношении обработки и защиты персональных данных в Федеральной нотариальной палате от 2 июня 2025 г., Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.).

⁴ Впервые феномен *Lex Informatica* был комплексно исследован в фундаментальной работе Джоэла Рейденберга «*Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology*», опубликованной в 1998 г.

стемам. *Lex Informatica* опирается на императивность технологических протоколов и алгоритмов в глобальном киберпространстве.

Рассмотрим выявленные на основе анализа базы данных системные противоречия понятийного аппарата информационного права.

Базовые законы как центральный элемент системы понятийного аппарата и пределы их терминологической емкости

Легальные дефиниции ключевых категорий и понятий информационного права определены, прежде всего, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации).

Однако их понятийная емкость несколько заужена, ограничена. Так, «информационная система» в названном Законе определяется через совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку технологий и технических средств. В то же время ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) «Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Словарь» фиксирует функционально-системную конструкцию – «система, организующая обработку и хранение информации» – без привязки к критерию базы данных⁵.

Количественно именно ГОСТы обеспечивают основную массу дефиниций (почти ¾ массива). Их роль двойка. С одной стороны, стандарты вводят высокоточные технологические понятия («машинное обучение», «компьютерный инцидент», «матрица доступа», «регламентированный запрос», «инцидент качества данных» и пр.), дополняя дефицит правовых определений на нормативно-правовом уровне. С другой стороны, с точки зрения юридической силы они носят отсылочно-зависимый характер и обязательны лишь постольку, поскольку инкорпорированы в правовые акты или договорные режимы.

Выявленные случаи терминологической несогласованности, противоречий и пробелов между нормативными правовыми актами и документами технического регулирования

Терминологическая несогласованность – негативное явление в законодательстве, представляющее собой форму отступления от стандартов точности выражения права. Это часто обусловлено логико-языковыми отклонениями или деформациями в построении и формулировании правовых норм, что неизбежно ведет к снижению регулятивных свойств самого права, затрудняет его толкование и препятствует эффективной реализации [Власенко, 2015: 58–60].

Во-первых, несогласованность проявляется в нарушении принципа единства юридической терминологии или, по выражению отдельных авторов, в отсутствии единства федеральных законодательных дефиниций [Головина, 1998: 79; Туранин, 2017: 261].

Это происходит тогда, когда один и тот же термин, имеющий одинаковое значение, определяется по-разному в нескольких законодательных актах.

Такая ситуация может возникнуть, когда термин получает дефиницию «для целей» какого-либо конкретного закона, что по логике исключает использование этой дефиниции для других правовых норм. Это, в свою очередь, может привести к несогласованностям и противоречиям между определениями [Апт, 2013: 61].

⁵ ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015). Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Словарь (введен в действие приказом Росстандарта от 22 сентября 2016 г. № 1189-ст). М.: Стандартинформ, 2016.

Примером этой ситуации может служить термин «доступ к информации». Закон об информации определяет доступ к информации как «возможность получения информации и ее использования», т. е. как состояние. Это определение фиксирует правовой статус субъекта по отношению к объекту. Технический документ (руководящий документ «Защита от несанкционированного доступа к информации. Термины и определения»⁶) фиксирует, что доступ – «ознакомление с информацией, ее обработка, в частности копирование, модификация или уничтожение информации», т. е. трактует доступ как процесс (действие).

Несогласованность создает риски при квалификации правонарушений. Например, наличие технической возможности без совершения действий может трактоваться двояко при определении факта неправомерного доступа к информации.

Во-вторых, указанная несогласованность выражается в смысловой несогласованности: расхождение между смыслом, закладываемым в юридические нормы законодателем, и смыслом, придаваемым этим же нормам правоприменительной практикой, документом технического регулирования [Власенко, 2015: 139, 154].

Закон об информации определяет «информационную систему» как «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств». Здесь акцент сделан на совокупности трех элементов: информации, технологий и технических средств. Технический документ ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) определяет информационную систему как «систему, организующую обработку информации о предметной области и ее хранение».

Трактовка в ГОСТе является более функциональной («организующая обработку»), тогда как дефиниция в законе – структурной («совокупность элементов»). Это создает риск расширительного толкования в технической сфере, где под информационной системой может пониматься любой процесс организации данных, даже не соответствующий критериям закона.

В-третьих, названная несогласованность отражается в логической несогласованности (разновидности логической неопределенности) как следствие несоблюдения правил формальной логики при подготовке нормативных правовых документов [Власенко, 2015: 60].

К логической неопределенности текстов нормативных правовых документов приводят непоследовательность терминологии, разноречивость понятий, неточность формулировок, а также логические заблуждения, допущенные при определении терминов [Власенко, 2015: 60]. Например, нарушение правил логики происходит, когда содержание понятия раскрывается через другой термин, признаки которого неизвестны [Бажина, 2022: 65]. Так, ГОСТ Р 70486-2022 предлагает дефиницию: «Электронный документ – документ в электронном виде (в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием ЭВМ)»⁷. Формулировка ГОСТа содержит логическую ошибку «определение того же через то же» в скрытой форме, так как использует термин «документ» для толкования «электронного документа», не раскрывая специфики «электронного вида» иначе как через пригодность к использованию ЭВМ.

В-четвертых, несогласованность обнаруживается в смешении понятий. Это происходит, когда терминологическая несогласованность приводит к смешению на практике различных по сути понятий [Бажина, 2022: 228] или к подмене смысла од-

⁶ Руководящий документ. Защита от несанкционированного доступа к информации. Термины и определения (утв. решением председателя Государственной технической комиссии при Президенте РФ от 30 марта 1992 г.).

⁷ ГОСТ Р 70486-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Единая технология «Цифровой социальный юрист». М.: Рос. ин-т стандартизации, 2022.

ного из ключевых понятий, что нарушает постулат о терминологическом единстве и непротиворечивости закона [Турагин, 2017: 302].

Например, понятие «оператор»: согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) это «государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных». В ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) это «лицо или организация, которые вносят вклад в реализацию функциональных возможностей системы и применяют знания, умения и процедуры при выполнении определенной функции».

В законе оператор – субъект права, несущий ответственность и определяющий цели осуществления деятельности. В техническом документе он выполняет функциональную роль (пользователь, администратор), обеспечивающую работу системы. Смещение этих понятий в договорах или технических заданиях может привести к неверному распределению ответственности за утрату данных или нарушения в работе системы.

В-пятых, несогласованность проявляется в синонимии и двоении терминов.

Синонимия – это явление, когда одно и то же понятие называется по-разному (с использованием разных слов).

Большинство исследователей считают синонимию недостатком юридической терминологии, поскольку даже близкие по значению слова обязательно различаются по оттенкам значения или стилистической окраске. Как справедливо отмечает С. Ю. Головина, сам факт употребления синонимических терминов может создать ложное впечатление, будто они имеют различный правовой смысл [Головина, 1998: 73–74, 78].

Примером является категория «субъект, использующий информационную систему». В законодательстве (Закон об информации, Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О связи» и др.) используются термины «пользователь», «абонент», «участник взаимодействия», в технических документах (ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) и др.) вводятся термины «клиент», «агент пользователя», «терминальный пользователь». Такое использование терминов создает ложное впечатление о различии правового статуса субъектов, хотя фактически речь идет об одной сущности.

Двоение терминов – это разновидность терминологической дублетности, когда одно и то же явление выражено с помощью нескольких терминов. Такая ситуация недопустима, поскольку термин должен точно и недвусмысленно отражать содержание обозначаемого понятия [Бажина, 2022: 32].

В Законе о персональных данных используется термин «обезличивание» (действия, в результате которых становится невозможным определить принадлежность данных). В ГОСТах встречаются понятия, описывающие аналогичные процессы, – «деидентификация», «анонимизация», что является недопустимым двоением, ослабляющим правовой режим защиты данных.

В-шестых, несогласованность характеризуется многозначностью (полисемией).

Об этом свидетельствует использование юридических терминов в различных значениях.

По мнению С. Ю. Головиной, наряду с широким применением неоднозначных терминов в законодательстве прослеживается и обратная тенденция – называть одно и то же понятие по-разному. Термины могут иметь различное содержание не только в разных отраслях, но и внутри одной отрасли [Головина, 1998: 74, 126].

Например, категория «конфиденциальность информации». Закон об информации определяет конфиденциальность как императивное предписание (обязанность), это обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя. ГОСТ 33707-2016 переводит это понятие в область свойства системы: конфиденциальность – «свойство, позволяющее не давать права на доступ к информации или не раскрывать ее полномочным лицам, логическим объектам или процессам».

В нормативной сфере конфиденциальность – это правовой режим информации (юридическое требование), нарушение которого влечет ответственность. В технической области – это атрибут (свойство) системы безопасности. Подобная полисемия затрудняет формулирование условий договоров и технических заданий на создание защищенных систем.

В-седьмых, названная несогласованность проявляется в отсутствии определений для ключевых терминов.

В российском законодательстве по-прежнему нет базовых федеральных законов, которые могли бы установить единые условия регулирования для сквозных информационных объектов, например законов «О праве на доступ к информации», «Об информационных системах», «О базах данных», «О реестровой информации», «Об электронном документе», «Об информационной безопасности» и др.

Н. А. Власенко обосновывает, что в целом логическая несогласованность нарушает равновесие права, «размывает» его систему и отрицательно влияет на точность его регулятивных свойств [Власенко, 2015: 59].

Терминологическая несогласованность создает иерархический диссонанс в правовой системе. Она подрывает принцип верховенства закона, поскольку подзаконные акты и технические нормативные документы, призванные развивать положения закона, фактически могут их искажать или изменять их смысл через манипуляции с терминами. Это ведет к правовой неопределенности для субъектов права, которые сталкиваются с противоречивыми требованиями разных уровней регулирования.

Кроме того, неоднозначность и противоречивость терминологии на разных уровнях нормативного регулирования предоставляют чрезмерно широкое поле для усмотрения правоприменительных органов. Это может приводить к избирательному правоприменению, произвольному толкованию норм, созданию необоснованных административных барьеров для граждан и организаций, а также повышает риски коррупции. Субъекты информационных отношений оказываются в уязвимом положении, так как не могут с уверенностью определить, какие именно требования к ним применяются и как их следует исполнять.

Многочисленные выявленные проблемы – чрезмерная широта и неоднозначность базовых дефиниций, пробелы в регулировании новых явлений, коллизии между нормами различных законов и нормативных технических документов – являются не просто набором случайных ошибок или недочетов, а закономерным следствием отсутствия единого, системного и научно обоснованного подхода к формированию понятийного аппарата информационного права на нормотворческом уровне.

На это указывают и многие авторитетные исследователи в области информационного права. Так, Л. Ф. Апт и А. Г. Ветров отмечают перегруженность информационного законодательства определениями, которые часто не согласуются друг с другом, и предлагают систематизацию на основе базовых дефиниций [Апт, Ветров, 2018: 65]. Авторы коллективной монографии «Понятийный аппарат в информационном праве» [Бачило, 2017] также подчеркивают необходимость институ-

ционального и системного подхода к решению проблем терминологии. В Концепции информационного кодекса РФ, разработанной под редакцией И. Л. Бачило, прямо указывается на пестроту терминологии, сложность однозначной трактовки понятий и отсутствие единой системы как на серьезные препятствия для развития отрасли [Бачило, 2014].

Отсутствие единого нормотворческого подхода является не просто техническим недостатком, а фундаментальной методологической проблемой. Оно препятствует формированию информационного права как целостной, внутренне согласованной и логически стройной отрасли права, способной эффективно регулировать сложные и динамичные общественные отношения в информационной сфере. Вместо единой системы понятий мы имеем дело с фрагментированным набором дефиниций, разбросанных по различным нормативным актам разного уровня и не всегда связанных между собой единой логикой.

В результате этих и других терминологических дефектов различные институты информационного права (институт персональных данных, институт правового режима информации и др.) зачастую развиваются изолированно друг от друга, без должной взаимосвязи и координации. Нормы, регулирующие схожие отношения, могут содержаться в разных правовых актах и использовать различную терминологию, что затрудняет их комплексное применение.

Выводы

Выявленные терминологические дефекты имеют серьезные негативные последствия, так как они порождают правовую неопределенность, затрудняют правоприменительную деятельность, включая судебную практику, создают риски для защиты прав и законных интересов граждан и организаций, препятствуют эффективному функционированию экономики данных и реализации цифровой трансформации государства.

Системное противоречие между понятийным аппаратом нормативных правовых актов и терминологией нормативных технических документов является фундаментальной методологической проблемой, препятствующей становлению информационного права как внутренне согласованной отрасли. Необходима реализация институционального механизма гармонизации юридической и технической терминологии непосредственно на стадии нормотворчества. Только восстановление безусловного приоритета правовых дефиниций над техническими регламентами позволит обеспечить реализацию эффективной системы регулирования информационных отношений.

Библиографический список

Reidenberg J. R. Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology / CORE. – URL: <https://files.core.ac.uk/download/pdf/144222024.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

Ант Л. Ф. Развитие понятий законодательства в актах судебной практики. – М.: РАП, 2013. – 320 с.

Ант Л. Ф., Ветров А. Г. Основные черты понятийного аппарата информационного законодательства // Правовая информатика. – 2018. – № 2. – С. 65–73.

Бажина М. А. Понятийный аппарат транспортного права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2022. – 401 с.

Белоусов С. А. Дисбаланс в системе источников российского права: Актуальные проблемы и пути устранения // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 20–27.

Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. – М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2015. – 174 с.

Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – 363 с.

Концепция информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И. Л. Бачило; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – М.: Канон-плюс, 2014. – 190 с.

Понятийный аппарат в информационном праве: колл. моногр. / отв. ред. И. Л. Бачило, Т. А. Полякова, В. Б. Наумов. – М.: ИГП РАН; Канон+; Реабилитация, 2017. – 264 с.

Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – Белгород, 2017. – 437 с.

References

Apt, L. F. (2013) *Razvitie ponyatii zakonodatel'stva v aktakh sudebnoi praktiki* [Development of legislative concepts in judicial practice]. Moscow, RAP, 320.

Apt, L. F. & Vetrov, A. G. (2018) *Osnovnye cherty ponyatiinogo apparata informatsionnogo zakonodatel'stva* [Key features of the conceptual apparatus of information legislation]. *Pravovaya informatika*, (2), 65–73.

Bachilo I. L. (ed.) (2014) *Kontseptsiya informatsionnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [The Concept of the information code of the Russian Federation]. Moscow, Kanon-plyus, 190.

Bachilo, I. L. & Polyakova, T. A. & Naumov, V. B. (eds.) (2017) *Ponyatiinyi apparat v informatsionnom prave* [Conceptual Apparatus in Information Law]: collective monography. Moscow, IGP RAN, Kanon+, Reabilitatsiya, 264.

Bazhina, M. A. (2022) *Ponyatiinyi apparat transportnogo prava* [Conceptual apparatus of transport law]: doct. jur. sc. thesis. Yekaterinburg, 401.

Belousov, S. A. (2015) *Disbalans v sisteme istochnikov rossiiskogo prava: Aktual'nye problemy i puti ustraneniya* [Disbalance in the system of the Russian law sources: actual problems and ways of elimination]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii region. Obshchestvennyye nauki*, (3:35), 20–27.

Golovina, S. Yu. (1998) *Ponyatiinyi apparat trudovogo prava* [Conceptual apparatus of labor law]: doct. jur. sc. thesis. Ekaterinburg, 363.

Reidenberg, J. R. (1998) *Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology*. CORE, available at: <https://files.core.ac.uk/download/pdf/144222024.pdf> (accessed: 30.09.2025).

Turanin, V. Yu. (2017) *Yuridicheskaya terminologiya v sovremennom rossiiskom zakonodatel'stve: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Legal terminology in modern Russian legislation: a theoretical and legal study]: doct. jur. sc. thesis. Belgorod, 437.

Vlasenko, N. A. (2015) *Problemy pravovoi neopredelennosti* [Problems of legal uncertainty]: lecture course. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, INFRA-M, 174.

Информация об авторе

Михаил Игоревич Паршуков – кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: m-parshukov@usla.ru).

Information about the author

Mikhail I. Parshkov – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Information Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: m-parshukov@usla.ru).

© М. И. Паршуков, 2025

Дата поступления в редакцию / Received: 03.12.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 04.12.2025